

УДК 1 (091)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕТАФИЗИКИ ВСЕЕДИНСТВА Л.П. КАРСАВИНА

М.М. Шibaева

ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.162

В статье выявляется аксиологическая компонента опыта рефлексии Л.П. Карсавина над ценностно-смысловыми основаниями развития человечества как коллективного субъекта исторического движения к «полноте совершенства». Ряд его умозаключений аксиологического характера свидетельствует об эвристическом потенциале таких интенсивно используемых философом понятий, как «идеал истории»; «к чествованию»; «симфоническая личность». Многие явления и проблемы прошлого, сопряженного и с настоящим и с будущим, рассматриваются и оцениваются в соотношении с Абсолютом через концепты «идеала всеединства», «полноты совершенства», «идеи культуры».

Ключевые слова: *Карсавин, аксиологический подход, метафизика всеединства, Бог, христианская культура, «идеальное задание», «симфоническая личность».*

*Если запретить историку оценивать,
он перестанет познавать.*

*Восточно-христианское сознание особенно
остро и глубоко смущаемо идеалом Всеединства.*

Лев Карсавин

Смысловая ёмкость философских трудов Льва Платоновича Карсавина дает основание для того, чтобы отметить несводимость своеобразного опыта его рефлексии исключительно к историософскому «полю проблем». Творческое наследие этого оригинального мыслителя, соединившего в своем лице историка-медиевиста, богослова и философа, имеет несколько измерений – гносеологическое, историософское, антропологическое, космологическое, аксиологическое. Существенным моментом многолетнего опыта рефлексии Карсавина является, по справедливому мнению Ю.Б. Мелих и С.С. Хоружего, её персоналистский характер.

Основные труды Л.П. Карсавина свидетельствуют о том, что его концепция исторического развития являет собой одновременно и гносеологический, и аксиологический вызов позитивистской теории прогресса. В данной статье акцентируется своеобразие аксиологической позиции Льва Карсавина, которая в значительной степени соотносится с

его историософской концепцией «двойной спирали богочеловеческой динамики». Ценностная компонента философско-религиозной системы мыслителя обнаруживает себя в особенностях соотношения Абсолюта и тварного мира как совершенства и несовершенства.

Такие концепты мыслителя, как «метафизика всеединства», «идеальное задание», «идея культуры», «симфоническая личность», «полнота совершенства», а также ряд других, относящихся преимущественно к богословскому характеру размышлений, дают основание для обращения к аксиологическому аспекту его интеллектуально-творческого наследия. В этой связи уместно отметить, что, по признанию самого мыслителя, соединившего в своем лице историка-медиевиста, богослова и философа, им руководило стремление «оправдать аксиологический момент в историографии, устранив из него всякий субъективизм и релятивизм» [10, с. 334].

Пристальное внимание Льва Карсавина к ценностному аспекту развития «всеединого человечества в его несовершенстве, становлении, в его стяженности» [10, с. 261] особенно наглядно проявляется в работах, написанных на исходе Серебряного века и в начальный период вынужденной эмиграции в качестве одного из «пассажира философского корабля». Это – «Культура Средних веков» (1918), «Восток, Запад и русская идея» (1922) и «Философия истории» (1923). Причем первые два труда были впервые изданы в постоктябрьской России и лишь третий – за ее пределами, в Берлине. Данные монографии объединены глубоким интересом русского мыслителя к идее Всеединства и его субъекта, во-первых; к вопросам «метафизики истории», во-вторых; к дихотомии «прогресс–регресс» под углом зрения «взаимоотношения между Абсолютным и относительным» [10, с. 330], в-третьих. Причем в каждой из работ – так или иначе – присутствует тема идеала «в качестве Абсолютного» [10, с. 247].

Через весь контекст философско-творческого наследия Льва Карсавина проходит одна из ключевых идей его метафизики Всеединства – идея равноценности всех моментов исторического развития человечества и его пути к «полноте совершенства». Согласно ему, «одинаково важны все культуры, все эпохи и моменты в развитии данной культуры, данной науки, данной идеи» [10, с. 226]. Однако, утверждая, что «всякий момент содержит в себе нечто неповторимое и ценное абсолютно» [10, с. 63], философ подчеркивал необходимость их «различения» друг с другом с точки зрения метафизики Всеединства. Критерием такого различения культурно-исторических моментов является, по убеждению Карсавина, степень «приближения каждого к его идеалу, который есть всеединый идеал» [10, с. 63].

Тезис о равноценности всех моментов многовекового опыта человечества не столько постулируется мыслителем, сколько используется в процессе анализа теоретических и эмпирических проблем прогресс-

са, культуры и субъектности исторического развития. Исходя из того, что «анализ всякого исторического построения легко вскрывает лежащую в основе его схему прогресса и регресса», он обращал особое внимание на «оценочный характер схемы и условность оценки» [10, с. 231]. Данный момент – еще одно подтверждение тому, что самому процессу постижения истины Л.П. Карсавин придавал аксиологическую значимость. Истина как фундаментальная ценность культуры обретает у мыслителя дополнительный смысл в проблемном пространстве метафизики Всеединства.

Как видно по работам Карсавина, его аксиологическое «кредо» своеобразно соотносится с гносеологической позицией применительно к философии истории, неотделимой от идеи Всеединства. «Да, везде и во всем живет одна всеединая Истина, она же и всеединая Правда, – убеждает своих оппонентов философ в «Диалогах» Карсавина. – Все обладает всеединою ценностью, но не потому, что есть много истин и правд или (что то же самое) нет ни одной, а потому, что Истина и Правда – конкретное всеединство» [7, с. 286]. Аксиологическая компонента карсавинской метафизики всеединства проявляется, во-первых, в приверженности традиции отнесения истины к спектру фундаментальных ценностей культуры, а во-вторых, в том, что мыслитель рассматривал исследователя как субъекта процессов познания объекта и его оценки. С этой точки зрения заслуживает внимания умозаключение Е.Е. Михайловой о том, Л.П. Карсавин «понимал истину как оценочное суждение субъекта познания» [12, с. 61]. Такое умозаключение современного исследователя подводит к признанию особого места концептуальной «триады « бытие – истина – ценность» в смысловом пространстве творческого наследия Л.П. Карсавина в целом и его метафизики Всеединства в частности.

Сопряжённость гносеологического и аксиологического аспектов в деятельности историка рассматривалась Л.П. Карсавиным как эвристический фактор актуализации «субъективной склонности» исследователя. «Если историк может быть объективным, – утверждал он, – то никак не путём уничтожающего историю изъятия из нее “субъективных оценок”, а только путем восхождения над ними» [10, с. 240]. Отсюда и его постулат о том, что «субъективная склонность, как некоторый момент всеединства, нужна и обладает абсолютной ценностью» [10, с. 236].

Вынося за скобки присущий не только данному утверждению, но многим текстам Л.П. Карсавина «заряд» полемичности, уместно обратиться его «субъективной склонности» активного включения в двухвековой полилог русских мыслителей по поводу понятия и сущности идеала.

Обостренный интерес к проблемам идеала, нередко принимавший характер «милльона терзаний», в отечественной культуре обусловлен рядом причин. Во-первых, аксиологической размытостью представ-

лений об образе совершенства в России: «...с византийско-татарскими идеалами мы не ужились, с европейскими тоже плохо уживаемся, – писал в статье «Наши недоразумения» К.Д. Кавелин, – ...наши идеалы все еще в наших школьных тетрадках и из-за них мы до слез спорим между собой» [4, с. 411]. Во-вторых, неизбежность жарких споров вокруг идеального вектора развития социума и культуры связана, согласно С.Н. Трубецкому, с тем, что «чем глубже сознает философия противоречия вселенной, тем глубже познает она превосходящую силу идеала» [15, с. 546]. В-третьих, присущий динамике мировой истории «драматический процесс смены отдельных отвлеченных идеалов» [16, с. 107] также способствовал аксиологической полемике, ядро которой составлял поиск общего конкретного идеала.

Традиция сопряженности мировоззренческих исканий отечественных философов с рефлексией над проблемой идеала в определенной степени обусловлена их убежденностью в том, что важным фактором духовно-творческого развития является «долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели» [13, с. 47]. Верен данной традиции, но в собственном философском и поэтическом ключе и Лев Платонович Карсавин, внесший своеобразный вклад в полилог вокруг идеала под углом зрения метафизики Всеединства и установки на то, что «не может наше стремление к совершенству, а в каждом из нас и стремление к совершенству всего законченного бытия, остаться суетным» [10, с. 54].

Включенность Карсавина в полемику об идеале, начало которой связано, как известно, с первым философическим письмом П.Я. Чаадаева, в немалой степени обусловлена особенностями его реакции на аксиологические воззрения как великих предшественников, так и его современников. Аксиосфера Карсавина в определенной мере диалогична в плане своеобразия его ответной реакции на «другие» подходы к проблеме идеала. Он не мог не отозваться на романтизм славянофилов (особенно А.С. Хомякова) и почвенников (Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова), противостоящий аксиологическому прагматизму западников (Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского, в частности), приверженных к просветительской оптике «высветления» дихотомии «прогресс–регресс»... Существенным моментом в историософских размышлениях Льва Карсавина об идеале является, конечно же, его отношение к воззрениям В.С. Соловьева в русле учения о Всеединстве и Теургии.

С этой точки зрения уместно обозначить пунктирно те суждения отечественных философов, которые отражают суть их подхода к проблеме идеала в соотношении с Абсолютом. Такого рода соотношенность представлений об идеале с Абсолютом, восходящая к опыту рефлексии Григория Сковороды и Петра Чаадаева, получила глубокое развитие в историософско-аксиологических трудах Льва Карсавина. В пространстве «философии сердца» Сковороды Абсолют «есть Бог», а в русле «здоровой философии» Чаадаева Абсолют являет собой «Великое Все».

С именами этих философов связана такая особенность русской философии, как «центральное значение проблемы Абсолюта» [2], которая сопрягается с тенденцией сакрализации истории и культуры, а стало быть, и вектора их развития.

Аксиологическая позиция, согласно которой «все стоит в связи с Абсолютным и пронизано отношением к нему» [10, с. 206], выявляется во всем объеме текстов Карсавина – и философских и поэтических. Причем одним из мотивов его рефлексии является следующее пояснение: «Абсолютное воспринимается... как некоторая неопределённая потенциальность, но вместе с тем, как основа всего и всяческого» [9, с. 369]. В своих размышлениях о сопряженности ценностно-смысловых оснований мировой истории с Абсолютным началом Л.П. Карсавин уделял внимание и национальному аспекту всеединства. По его глубокому убеждению, «всякое историческое явление укоренено не только в национально-целом и не только в целом человечества, но и ещё в сфере абсолютно значимого. Национально-культурное бытие получает смысл и оправдание лишь в том случае, если оно осуществляет абсолютно-ценную миссию...» [5, с. 447].

Такого рода миссия раскрывается и обосновывается Л.П. Карсавиным в междисциплинарном дискурсе и под углом зрения проблематики Всеединства, заданной рядом работ Владимира Сергеевича Соловьева. Стоит, думается, напомнить, что труды В.С. Соловьева по проблемам Всеединства и Теургии, создавались в социокультурных реалиях последних лет XIX в., в преддверии «русского Ренессанса» (Николай Бердяев). Более того, философ, завершивший свой земной путь в 1900 г., явился, по сути, предвестником активизации мировоззренческих исканий и художественных дерзаний в начале XX в. Как известно, формирование мировоззренческой позиции Льва Карсавина осуществлялось в духовно-творческих реалиях Серебряного века, когда теургические идеи Владимира Соловьева, как и его концепция Всеединства, вдохновляли многих русских мыслителей и деятелей искусства. «Именно Соловьеву, – подчеркивает П.П. Гайденко, – обязан русский Серебряный век той мистико-гностической прививкой, которая во много определила атмосферу духовной жизни начала XX века в России» [1, с. 520]. Духовное становление Л.П. Карсавина, его самоопределение в безграничном пространстве философии и написание первых книг пришлось именно на эту пору, пока не обрушились на Россию «неслыханные перемены, невиданные мятежи» (Александр Блок), вследствие которых расширилось и драматизировалось «поле проблем» Всеединства.

Тем поразительнее смысловые точки соприкосновения (но не тождества!) в отношении обоих философов к идее Всеединства и к вопросу о сущности и статусе идеала. Общим моментом в рефлексии В.С. Соловьева и Л.П. Карсавина над проблемами Всеединства как духовно-нравственного проекта совершенствования человечества является

тема и образ Абсолюта. В трудах Владимира Соловьева, включая и «Чтения о Богочеловечестве», Абсолютное начало трактуется как «истинный Бог», которым может быть «только существо, обладающее полнотою совершенства» [14]. В соответствии с такой интерпретацией философ раскрывает свое понимание теократического идеала как ценностного фактора свободной солидарности всех положительных сил и элементов Вселенной» [14]. Как бы опережая обвинение в утопизме своей концепции Всеединства, В.С. Соловьев свою методологию обоснования теократического идеала определял как «практический идеализм», направленный на цели совершенствования общественных отношений и «свободного развития всех живых сил человечества» [14].

В книгах и статьях Л.П. Карсавина Абсолютное «предстает как совершенное Всеединство» [10, с. 330], а смысл мировой истории определяет в аксиологическом ключе – посредством понятия «полнота совершенства». Метафизика всеединства Карсавина пронизана, по сути, моментами сакрализации «всеединого идеала», активизирующего этические и творческие ресурсы человечества.

Другая точка сопряженности В.С. Соловьева и Л.П. Карсавина – поиск ими ответа на один из метафизических вопросов – о характере связи Бога и человека, Абсолюта и тварной личности – обусловила соотнесенность их рефлексии с погружением в такую сферу гуманитарного знания, как история. Стоит отметить, что оба мыслителя проблему движения человечества к идеалу «полноты совершенства» разрабатывали с учетом событийного ряда и уроков мировой истории. Само человечество в его различных проявлениях – и греховных и праведных – обретает в ценностно-смысловом пространстве метафизики всеединства статус коллективного субъекта исторического движения к «полноте совершенства».

Пристальное внимание В.С. Соловьева и Л.П. Карсавина к одному из метафизических вопросов – о характере связи Бога и человека, Абсолюта и тварной личности – проявляется в мистико-рациональном взгляде на субъектность мировой истории. Особенно явно мистико-рациональный подход к данной проблеме предстает в следующей установке Льва Карсавина: «Осмысление развития человечества возможно только как метафизика истории» [10, с. 171], которая «исходит из религиозных идей» [10, с. 206]. Поэтому многие события прошлого и эпохальные Имена в пространственно-временном континууме мировой истории рассматриваются в трудах Карсавина в русле мистического понимания места человека во Вселенной, сотворенной Богом. Исходя из своей метафизической системы, философ утверждал, что «субъектом человеческой истории является человечество... не в смысле отвлеченной сущности, а в смысле реального многоединства» [6, с. 159]. Отсюда и акцент Л.П. Карсавина на ценностном измерении мистической связи

между Абсолютом и человечеством, которое являет собой в сочетании с институтами государства и церкви «симфоническую личность».

Такое определение Л.П. Карсавиным субъекта «позитивного регресса–прогресса» [10, с. 225], которое он сформулировал в 1927 г через два года после включения в круг евразийцев, носит многозначный характер. Смысловая ёмкость категории «симфоническая личность» применительно к вопросу о субъектности процесса «приближения к всеединству» дает основание современным исследователям (Ю.Б. Мелих, С.С. Хоружему прежде всего) говорить о персоналистском содержании его наследия в целом. «Симфонический персонализм» Карсавина распространяется на все грани его рефлексии, включая и тему субъекта мировой истории. Согласно мыслителю, «историческое развитие есть прежде всего и главным образом развитие всеединой личности (человечества), в целостности её и в индивидуализирующих её личностях» [10, с. 334].

В качестве одного из проявлений «симфонического персонализма» правомерно отметить ценностное отношение Льва Карсавина к дихотомии «прогресс–регресс» как константе мировой истории. Дихотомия прогресс–регресс трактуется философом в соотнесении с вопросом о качественных параметрах реализации такой ценности–цели, как «совершенство всеединства» [10, с. 193]. Утверждая, что «идеал прогресса есть должное, желаемое и неизбежное» [10, с. 240], Карсавин акцентирует неизбежность его кризиса, поскольку время от времени «осуществление идеала упрощается в идею переворота» [10, с. 225]. В данном суждении вновь обнаруживается историсофско–аксиологическая «переключка» с Владимиром Соловьевым, которого беспокоило «превращение высоких и всеобъемлющих христианских идеалов в грубые и ограниченные идола нашего современного язычества [14].

По сути, оба философа испытывали те же переживания, о которых писал ещё в IV в. до н. э. Платон: в своих «Диалогах» он фиксировал эманацию идеала как факт повседневности на все времена. В XX столетии платоновские мотивы девальвации идеала (под которым он понимал «Первоединое – Благо») получили дальнейшее развитие. Так, в своих размышлениях о природе и динамике изменений в ходе исторического развития человечества Л.П. Карсавин подчеркивал, что «идеал прогресса... нечто иное, как получающееся в результате материалистического истолкования умаление идеи всеединства» [7, с. 285]. На ряде конкретных примеров, взятых из реалий различных хронотопов прошлого, Карсавин иллюстрирует драматизм смены ценностей–целей под углом зрения метафизики всеединства. И при всем этом он выражал свою уверенность в том, что «идеал прогресса... в основном мотиве своём, т. е. как идеал всеединства, неустраним и необходим» [7, с. 286]. И потому, по убеждению мыслителя, «в основе теории прогресса лежат и ещё некоторые стороны всеединства» [10, с. 248].

Вероятно, отсюда «взыскующее» внимание философа к этическому измерению идеала прогресса. Согласно ему, «как бы ни определять идеал прогресса... он всегда содержит момент оценки, и притом оценки этической» [10, с. 240]. И потому «теория прогресса конструирует идеальное состояние человечества как подлежащее осуществлению, т. е. этически заданное и должное» [10, с. 242]. Данное утверждение совпадает с тезисом В.Ф. Эрна – одного из немногих соотечественников, почитаемого Карсавиным: «... анализ предпосылок обычных представлений о прогрессе показывает, что всякое положительное утверждение о прогрессе покоится на скрытом признании абсолютных начал» [18, с. 206]. Важно и то, что понятие и сущность прогресса в историософско-аксиологическом рассматриваются Карсавиным с учетом реальности, включая и феномен национального самосознания и ментальности культуры разных народов, составляющих «симфоническую личность». Так, в статье «Достоевский и католичество» утверждается, что «общественно-религиозный идеал необходимо является также идеалом национальным, а вернее – идеалом гармонического синтеза, организмом его национальных аспектов или выражений» [8, с. 121]. Однако признание самоценности культурно-исторического опыта каждой нации как уникальной составляющей «Всеединого человечества» ни в коей мере не противоречит концепции Л.П. Карсавина. В той же самой статье философ подчеркивает, что «смысл или цель индивидуального существования и существования народа либо общества должны быть понимаемы только с точки зрения всеединства» [8, с. 153–154].

Размышляя о смысле многовековой истории, Л.П. Карсавин обосновывал необходимость «признать усовершенство человечества не только идеалом и заданием, а и высшею реальностью» [10, с. 89]. Сущность «усовершенности человечества» он рассматривал не только в религиозно-этическом, но и творческом ключе, что сближало аксиологический аспект его метафизики всеединства с рядом идей ценностной системы Н.О. Лосского – идеал-реализма, по его собственному определению.

С позиций интуитивизма Лосский утверждал ценность творческого фактора приближения человечества к идеалу «абсолютной полноты бытия» [11, с. 220]. В свете такой интерпретации идеала метафизика Всеединства как «великого синтеза» неотделима, по мнению Лосского, от вопроса о характере ценностей, доминирующих в повседневности. «Положительную ценность имеет всё то, что приближает к абсолютной полноте жизни, т. е. к бесконечной содержательности жизни, – писал Лосский, – а отрицательную ценность имеет всё то, что удаляет от полноты жизни» [11, с. 314]. По сути, его тезис о том, что посредством человеческого творчества создается «царство красоты, добра, истины и полноты жизни» [11, с. 211], совпадает с близким для многих русских мыслителей мотивом сотворчества с Богом в преображении мира. В их ряду был и Л.П. Карсавин, утверждавший, что «историческое развитие

отличается свободой и творчеством, «обогащает» Божество причастием к Нему тварного субъекта» [10, с. 336].

Разделяя такого рода теургические идеи, Карсавин, однако, придавал особое значение многовековому различию воззрений на проблему восхождения субъекта исторического развития к «полноте совершенства» в западном и восточном христианстве. При этом он не сводил генезис этого различия к богословскому аспекту, а выявлял ценностные ориентиры приверженцев каждой из ветвей христианства с учетом ментальности католической и православной культуры. Более чем очевидно, что православие являлось для Л.П. Карсавина более близким метафизике всеединства не только в плане соответствия догмату триединства Бога, но и в ментальном аспекте отношения носителей «верующего сознания» к идеалу. Отсюда, думается, и своеобразный взгляд мыслителя на проблему субъекта ценностных отношений и движения к идеалу. «Стремление к идеалу, – писал он в работе «Восток, Запад и русская идея», – неизбежно выражается в некотором построении идеального состояния, “нового мира”, “нового общества”, “царства небесного”» [6, с. 182]. По глубокому убеждению Льва Карсавина, «православной мысли в высокой степени присуща интуиция всеединства...» [6, с. 197]. В той же работе он подчеркивал, что «православное сознание сочетает признание абсолютной ценности во всяком проявлении жизни с признанием относительности и несовершенства всего человеческого» [6, с. 204]. При этом Карсавин обращал особое внимание на то, что в мироощущении носителей православного сознания устойчивыми остаются два психологических момента, влияющих на их аксиологическую позицию. «Неуверенность в ценности своего, поскольку оно не оправдано вселенски, – писал Карсавин, – естественно сопровождается недоверием к чужому..., отрицательным отношением ко всякому новшеству, которое тоже не может притязать на вселенское значение» [6, с. 205].

Итак, осмысление плодотворного опыта глубинного постижения Львом Платоновичем Карсавиным ряда «вечных» вопросов подводит к выводу о том, что присущая его метафизике всеединства сопряженность историсофского и аксиологического подходов к проблеме ценностно-смысловых оснований человеческого существования до сих пор обладает мощным эвристическим потенциалом. Причем в смысловой неисчерпаемости и в особой интонационности аксиологических размышлений этого оригинального мыслителя ощущается, говоря словами С.С. Хоружего, «глубоко запрятанная, скрытая ото всех взоров стихия переживания, драматическая душевная и религиозная жизнь» [17]. Нередко глубокие размышления Карсавина несут на себе следы эмоциональной окрашенности, что созвучно принципу «триединства» постижения объекта рефлексии, сформулированному Вильгельмом Дильтейем: «переживание – выражение – понимание».

По сути, его философские труды и поэтическая форма выражения ценностных приоритетов пронизаны глубокой верой в то, что «христианская концепция идеала должна быть или холистической, или теорией конкретного всеединства» [10, с. 235]. Исходя из того, что метафизика Всеединства есть «метафизика совершенства», мыслитель стремился к всестороннему раскрытию и обоснованию собственного взгляда на природу и сущность идеала. Другой вопрос, что в своих размышлениях о ценностно-смысловых основаниях мировой истории, субъектом которой является «всеединое человечество», он явно соотносился с воззрениями русских религиозных мыслителей, не отвергая их позицию, а, по сути, обогащая спектр представлений о том, в чем суть и смысл «идеального задания» как ценности-цели.

Контекст карсавинской философии истории и метафизики всеединства обладает, на мой взгляд, культурфилософским потенциалом, актуализация которого заслуживает специального рассмотрения. Умозаключение Льва Карсавина о том, что «культура – всевременное единство, не ограниченное временем и пространством своего расцвета» [10, с. 165], расширяет границы культурфилософской рефлексии в наши дни в реалиях глобализации и техногенной цивилизации. До сих пор не исчерпала себя и мысль философа о том, что «идея культуры должна определяться чрез отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе...» [10, с. 167]. По сути, цель его историософских размышлений, неотделимых от аксиологической рефлексии, заключается в утверждении того, что «в идеале всякая культура является всеединством индивидуализируемых ею качеств высшей личности» [10, с. 166]. Тем самым подчеркивается ценность культурного фактора совершенствования «тварного» мира и укрепления веры в идеал «полноты совершенства». Причем, обосновывая свою концепцию смысла истории сквозь призму «идеального задания» человечеству, Лев Карсавин счёл необходимым подчеркнуть, что «мы обязаны стоять на почве действительности, а не витать в эмпиреях наших грёз и желаний» [6, с. 181].

Продуктивность многолетнего участия Л.П. Карсавина в философско-религиозном полилоге более чем очевидна. Каждая из работ мыслителя, отражающая его воззрения на ключевые моменты и проблемы философии истории и метафизики всеединства, столь же содержательна, сколь и открыта для философского полилога и в современных реалиях. И потому трудно не согласиться с теми позитивными, глубоко обоснованными оценками наследия Л.П. Карсавина, которые дают современные исследователи. По справедливому суждению И.И. Евлампиева в адрес Льва Платоновича Карсавина, «в своих главных трудах он предстает как один из самых оригинальных представителей русской философии» [2]. Действительно, благодаря тому, что «творчество Л.П. Карсавина продемонстрировало глубокую преемственность размышлений русской религиозной исторической мысли над

метафизическими проблемами направленности мировой и русской истории» [3, с. 96], различные пласты его философского наследия продолжают обладать культурной ценностью.

С этой точки зрения правомерно воспринимать как напутствие человечеству следующее умозаключение мыслителя, историка и поэта: «лучшее будущее... осуществимо лишь через настоящее и в настоящем, осуществимо лишь предельным напряжением сил в решении непосредственно предстоящих задач. Оно может быть, если мы его захотим, не только словесно, но и действительно» [6, с. 167]. Не менее созвучным современности представляется и тезис Льва Платоновича Карсавина о том, что «и настоящее и прошлое... как и моменты будущего, обладают неповторимой самоценностью и нужны во всеединстве» [7, с. 285].

Список литературы

1. Гайденок П.П. Соловьев Владимир Сергеевич // Русская философия: Энциклопедия. М.: Алгоритм. 2007. С. 516–521.
2. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX: русская философия в поисках Абсолюта [Электронный ресурс]. URL: [agnuz.info>app/webroot/library/126/183](http://agnuz.info/app/webroot/library/126/183). (дата обращения: 14.08.2020).
3. Ивонина О.И. Эвристический потенциал междисциплинарного дискурса Л.П. Карсавина // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. 2018. № 56. С. 91–97.
4. Кавелин К.Д. Наши недоразумения // Наш умственный строй: Статьи по философии, русской истории и культуре / сост., авт. вступ. ст. В.К. Кантор. М.: Правда, 1989. С. 408–424.
5. Карсавин Л.П. Без догмата // Соч.. СПб.: Раритет, 1993. С. 443–458.
6. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // Соч.. СПб.: Раритет, 1993. С. 157–216.
7. Карсавин Л.П. Диалоги // Соч.. СПб.: Раритет, 1993. С. 217–287.
8. Карсавин Л.П. Достоевский и католичество // Соч. СПб.: Раритет, 1993. С. 120–156.
9. Карсавин Л.П. О сущности православия // Соч.. СПб.: Раритет, 1993. С. 359–402.
10. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 352 с.
11. Лосский Н.О. Идеал-реализм // Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика 1995. С. 290–348.
12. Михайлова Е.Е. Истина в воззрениях Л.П. Карсавина // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сб. науч. ст. / под ред. О.Д. Маслобоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2019. Вып. 5. С. 59–66.
13. Новгородцев П.Н. Об общественном идеале. М.: Пресса 1992. 638 с.
14. Соловьев В.С. Идолы и идеалы [Электронный ресурс]. URL: omiliya.org>article_idoly/idealy...-vladimir_solovev (дата обращения: 17.08.2020).
15. Трубецкой С.Н. Избранное. М.: Мысль, 1994. 816 с.
16. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.

17. Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии [Электронный ресурс]. URL: https://predanie.clients_cdnnow.ru/download/uploads/ftp/horuzhiy-sergey-serg/posle-pereryva/poslie-pierieryva-khoruzhii.ePub (дата обращения: 09.08.2020).
18. Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Соч. М.: Правда. 1991. С. 198–219.

AXIOLOGICAL ASPECT OF L.P. KARSAVIN'S METAPHYSICS OF UNITY

M.M. Shibaeva

Moscow State Institute (University) of Culture, Moscow

The article reveals the axiological component of L.P. Karsavin's experience of reflection on the value-semantic foundations of the humanity's development as a collective subject of the historical movement to the fullness of perfection. A number of his axiological conclusions indicate the heuristic potential of such concepts as the ideal of history, quality, and symphonic personality, which are intensively used by the philosopher. Many phenomena and problems of the past, connected with both the present and the future, are considered and evaluated in relation to the absolute through such concepts as «the ideal of unity», «the completeness of perfection», «the idea of culture».

Keywords: *Karsavin, axiological approach, metaphysics of unity, God, Christian culture, «ideal task», «symphonic personality».*

Об авторе:

ШИБАЕВА Михалина Михайловна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва. E-mail: skyday.vm@yandex.ru

Author information:

SHIBAeva Mikhailina Mikhailovna – PhD, Professor of the Department of cultural studies, Moscow State Institute (University) of Culture, Moscow. E-mail: skyday.vm@yandex.ru